

Вузовская реформа: Между замахом и ударом

По думским кругам начинают плановое движение первые революционные законопроекты, составленные в Министерством образования и науки — о предоставлении предпринимательским объединениям права давать властям советы относительно перечней специальностей, по которым готовятся студенты, о двухуровневой системе высшего профессионального образования (бакалавр — магистр), об образовательных льготах для отслуживших военных.

Видимо, это далеко не полный перечень нововведений. Фирменным знаком новой образовательной системы призвана стать разбивка примерно семисот российских государственных вузов на три категории: высший сорт (десяток-другой отборных университетов, признанных национальным достоянием и наделенных поэтому повышенным объемом самостоятельности и материальных благ); первый сорт (сто — сто пятьдесят, а может быть, и двести базовых вузов, кующих кадры бакалавров и магистров), а также второй сорт (все прочие госвузы, ориентированные отныне на выпуск бакалавров и приближенные по статусу к частным образовательным фирмам, т.е. лишенные гарантированной господдержки и получающие право обанкротиться и закрыться).

Таковы приблизительные контуры реформы, насколько можно о них судить по отрывочным и не всегда друг с другом совпадающим заявлениям капитанов нашего высшего образования.

В общем, масштаб начинаний маленьким не назовешь. Поэтому перед тем как давать прогнозы нужно поставить диагноз. То есть ответить на вопросы: каково состояние дел сегодня, а также каковы движущие силы перемен? Если ответы окажутся правильными, можно будет довольно уверенно сказать, реалистичны ли цели и адекватны ли средства вузовской реформы-2005.

Российская вузовская система — дочь и наследница тоталитарной советской образовательной системы, достигшей высшей точки своего развития в 50-е годы, где-то на переломе от Сталина к Хрущеву. Высшее образование в ту пору было широким, но никак не поголовным (конкурс в пять человек на инженерную специальность считался нормальным). Оно было более или менее доступно талантам из низов (при всех поправках на привилегии и антипривилегии по партийному, классовому и племенному признаку).

Изоляция от внешнего мира мешала сравнить качество обучения. Но, видимо, средний советский специалист, не так уж сильно отличался в худшую сторону от середняка-европейца и даже американца, а по некоторым специальностям был вполне конкурентоспособен.

Все это подкреплялось сказочным по тогдашней мерке престижем и уровнем матобеспечения профессорско-преподавательской верхушки. Советский профессор начала 50-х, с его ежемесячной зарплатой 9 — 12 тысяч старых рублей, имел полную возможность купить загородный дом, автомашину «Победа», содержать неработающую жену, а если надо и любовницу, нанять прислугу, ежегодно отдыхать с семьей на курортах Крыма — словом, поддерживать тогдашние стандарты жизни западного верхне-среднего класса.

Система была нацелена на военно-экономическую борьбу с Западом и была по-своему эффективной до тех пор, пока с тоталитарной прямотой игнорировала все прочие общественные обстоятельства и задачи. Затем эта монохромность и монолитность исчезла навсегда. Заключительное тридцатилетие СССР было для советской высшей школы, как и для всего остального, временем разложения, утраты целей, стихийного, никем не планируемого расширения и падения престижа.

Демократизация социальной жизни заставляла неуклонно увеличивать число студентов, независимо от наличия рабочих мест в экономике. Появился феномен недовольного своей судьбой сторублевого инженера и мэнэеса. Та же демократизация вынуждала понижать заработки вузовских преподавателей — и не только в реальном, но и в номинальном исчислении. Даже профессора, не говоря о доцентах и ассистентах, перемещались в категорию среднеоплачиваемых лиц, то есть фактически переставали быть элитой.

Тем временем противоположный по своему общественному смыслу процесс — складывание застойного

наследственно-номенклатурного класса — подталкивал провинциальную номенклатуру заводить свои домашние вузовские иерархии, повальным порядком открывая свои карманные вузы или преобразуя областные пединституты в университеты. А номенклатура столичная монополизировала прием в немногие вузы, сохранявшие доброкачественные стандарты обучения. Реальное финансирование высшего образования к началу 90-х годов безнадежно отставало от западного, квалификация большинства преподавателей и дипломополучателей — тоже.

Именно тогда в народе укрепился роковой миф: вузовский диплом — это не удостоверение умений и знаний, а сертификат неких житейских и карьерных привилегий. В новой России этот миф стал главным двигателем номинального расширения системы высшего образования.

Новооткрытые частные вузы, за редким исключением, стали универмагами по продаже дипломов. Государственные вузы, как и прочие госучреждения в 90-е годы, стихийно выработали комплексную систему выживания, дополняющую старую их официальную деятельность — продажа образовательных услуг за деньги (студенты-контрактники, платные подготовительные курсы), открытие торгующих дипломами провинциальных филиалов, запуск в оборот недвижимости и подключение к сопутствующим видам бизнеса.

Все это вместе взятое не смогло обеспечить сносных заработков для большинства вузовских преподавателей. Приток в эту систему способных и подготовленных кадров сократился в несколько раз. Как и в советские времена, только гораздо быстрее, падало среднее качество вузовского обучения. Разрыв между высшим образованием и потребностями экономики продолжал расти.

Зато скачкообразный рост числа мест в вузах подарил России феномен — поголовное высшее образование, стимулируемое не столько тягой к современным знаниям и профессиям, сколько советской мифологией и бесперспективными попытками властей сохранить армейский призыв.

Справедливо будет сказать, что в эти же годы сохранили позиции или поднялись отдельно взятые образовательные центры, факультеты и кафедры. Но они оставались островками среди стагнирующей системы. Той системы, которую власти надумали сегодня приноровить к внешним и внутренним потребностям страны.

Взявшись за это дело, они, надо думать, предварительно ответили (или попытались ответить) для самих себя на вопросы: на что равняться? На кого опираться? Какие средства пустить в ход?

Начнем с последнего. Современное высшее образование — чрезвычайно дорогая вещь. Если, конечно, под высшим образованием понимать не то, что у нас в среднем сейчас есть, а то, что в среднем есть хотя бы в Западной Европе, не говоря об Америке. Во сколько раз наши власти готовы увеличить финансирование вузов? В десять раз? В три раза? В полтора? От точного ответа начальствующие лица уклоняются, но, по многим признакам, последняя цифра гораздо ближе к реальности, чем первая.

Конечно, Россия — не из самых богатых стран. Однако, дело еще и в национальных приоритетах. Скажем, финансирование силовых структур за последние шесть лет выросло чуть ли не на порядок. И продолжает расти гораздо быстрее, чем растет их эффективность. Если подходить к проблемам честно, да еще и с намерением их решить, всегда приходится взвешивать, что нужнее стране — мощный военно-морской флот, например, или мощное высшее образование? Что дороже — столичные университеты или провинциальные аграрные лоббисты? Ответ зависит от философии общества и власти. Может быть, лоббисты и дороже, и симпатичнее во всех отношениях. Почему нет? Не надо только говорить: прокормим, мол, и тех, и других, и третьих. Но вот именно это как раз и говорится по всем возможным поводам.

Итак, первый вывод. К резкому росту ассигнований на высшую школу власти не готовы. Готовы к нерезкому. Это сразу ставит под вопрос серьезность их планов. Но, может быть, имеется в виду концентрация этих средств на ключевых участках, чтобы добиться успеха, пусть даже и пожертвовав всеми прочими участками? Эта идея как бы и обозначается идеологами реформы. Но именно «как бы». Государственных вузов в стране много, и еще больше провинциальных филиалов этих вузов. Большую их часть планируют вытолкнуть в последнюю категорию, делая кандидатами на закрытие.

Но это до первого столкновения с действительностью. Вузы — суть государственные учреждения. Любая кампания по сокращению числа государственных учреждений приводит у нас к увеличению числа государственных учреждений (см. административную реформу прошлого года).

Как и в советские времена, провинциальная номенклатура не позволит закрыть местные вузы, какими бы слабыми они ни были. Происходящая в последние годы реставрация номенклатурных традиций только

укрепит ее в этом стремлении. Конечно, номенклатура берет под козырек, слыша приказы сверху. И конечно, модернизация экономики, социального устройства и тех же вузов — это официально выраженная идея верхов. Но модернизация — благое пожелание, а номенклатурная реставрация — жизнь.

На это накладывается и другое явление, более широкое и важное — всенародная тяга к высшему образованию. Явление это многогранное, многокрасочное, вбирающее в себя естественное стремление к справедливости, к передовой цивилизации, но также и некоторое желание уклониться от тяжелого труда. Как ни относиться к этому явлению, оно глубоко народно, и не нашим властям его остановить, даже если бы и пытались.

Но они и не пытаются, задумав, как можно понять, некоторую хитрость. Раз уж массы хотят вузовской справедливости, эту справедливость, видимо, предстоит обеспечить с помощью общедоступного трехлетнего бакалавриата. Разумеется, качество обучения даже и в вузах самой низшей «бакалаврской» категории, подлежит строгому госконтролю, но легко догадаться, что результатом этого контроля будет лишь процветание проверяльщиков.

Поэтому большинство бакалавров, выпускаемых заштатными провинциальными вузами, вряд ли будут способны конкурировать со специалистами самого скромного западного стандарта. Но об этом можно ведь и не думать — до тех пор, пока эти люди не потребуют статусов и зарплат, соответствующих официальным дипломам. А это, хотя и произойдет, но не обязательно завтра.

Итак, второй вывод. Сознательно или бессознательно подчиняясь сложившимся реалиям, руководители реформы собираются узаконить разделение высшего образования на «народное» и «настоящее». Обязательно придет время, когда народ это осознает. И ему это не понравится. Но может быть, хоть в сфере «настоящего» высшего образования настанет процветание? Это тем более греет душу, что половина, если не больше, петербургских вузов попадут вроде бы в первую категорию, а три-четыре — даже и высшую. Перемены к лучшему, видимо, будут. Какие-то денежные прибавки все-таки намечаются. Профессорско-преподавательский корпус из категории бедняков перейдет, как в брежневскую эпоху, в категорию среднеоплачиваемых.

Вузы, как уже говорилось, попробуют приблизить к жизни, формально советуясь с будущими нанимателями-бизнесменами. Вырастет и вузовская самостоятельность в учебной и даже чуть ли не в финансовой политике (с той оговоркой, что речь идет о сегодняшнем, немножко ограничительном смысле этого слова — то есть о самостоятельности учреждения, обложенного со всех сторон контрольными инстанциями, официальными руководящими вертикалями и неофициальными опекунами).

Но вышеперечисленные плюсы не смогут отменить один минус. А именно то, на что реформа не покушается — на другое главнейшее наследие 90-х годов — деление студентов на «бюджетников» и «контрактников». Это вообще типичнейшая черта модернизаторских начинаний последнего времени. Монетизация транспортных льгот не устранила главное — разделение транспорта на «социальный» и «коммерческий». Монетизация лекарственных льгот не отменила деления приобретателей лекарств на тех, кто получает их по льготе, и тех, кто платит обычным порядком. Таковую же врожденную неполноценность несет в себе и программа модернизации вузов. За делением студентов, в том числе «элитных», на два обособленных сорта стоит и неготовность к действительно глубоким переменам, и отказ от стратегического выбора — выбора между главными вузовскими системами современного мира.

Слегка упрощая, можно сказать, что таких систем в мире две — эффективная и менее эффективная. Англосаксонская (в первую очередь, американская) и европейско-континентальная. Оплачиваемая учащимися и финансируемая властями.

Американская система (за обучение платят в первую очередь студенты — сами или при помощи кредитных организаций; а во вторую — коммерческие спонсоры, государственные и благотворительные организации) исходит из того, что высшее образование — это товар, продаваемый и покупаемый за деньги и дающий возможность приобретателю найти высокооплачиваемое рабочее место. Континентально-европейская система (вузы финансируются в первую очередь госструктурами; и только во вторую — коммерческими и благотворительными спонсорами или деньгами, вносимыми студентами) исходит из того, что высшее образование — социальное благо, которое гражданин вправе потребовать у общества в порядке борьбы за справедливость.

Американская вузовская система — мировая кузница кадров, один из главных или главный источник мощи Америки. Континентально-европейская система, при большем или меньшем рационализме организации и при

большом разбросе качества обучения в разных странах, — это один из главных факторов общего застоя Западной Европы.

Притом наихудшие показатели в рейтингах — у некогда прославленных французских и итальянских университетов, где студенческие революции 60-х — 70-х годов были особенно успешны, а принципы справедливости реализованы особенно последовательно. Наши капитаны высшего образования не решились направить свой корабль ни к одному из этих берегов. Отменить обучение по контракту и возвести европейскую (похожую на прежнюю советскую) вузовскую систему? На это не хватит ни денег, ни духа, ни сил, хотя административные инстинкты тянут, конечно, именно в эту сторону. А шаг за шагом двигаться к американской системе — то есть делать обучение по общему правилу платным, превращая «бюджетников» в получателей государственных или частных образовательных кредитов — это и слишком смело, и слишком сложно в исполнении для нерасторопных наших чиновников, да и вообще вряд ли возможно в рамках одной лишь вузовской системы.

Для этого ведь много чего нужно — низкая инфляция, нормальный рынок кредитов с низкими ставками, уверенные в своем будущем предприниматели, готовые планировать свою работу на много лет вперед и поэтому по доброй воле, а не по закону, спонсирующие университеты и кредитующие подготовку специалистов. В общем, чего только не нужно — того, чего нет и в ближайшее время не будет.

Опора такой реформы — это массовый и предсказуемый спрос экономики на высокооплачиваемых специалистов и массовое же стремление молодежи этот спрос удовлетворить. Ни того, ни другого на сегодня пока нет, и нельзя сказать, чтобы власти целенаправленно приближали этот счастливый момент.

Не будет поэтому прорыва к мировым стандартам даже и в верхних категориях наших вузов, за некоторыми, отдельно взятыми исключениями. Успехом можно будет считать хотя бы сокращение нынешнего разрыва. Система высшего образования в основных своих параметрах останется переходной, консервирующей болезни 90-х годов и меняющейся скорее стихийно, чем организованно.

Места студентов-бюджетников (в вузах высокого класса) по-прежнему будут делиться между блатными и неблатными — с растущим количеством скандалов. В вузах менее высокочлассных власти попробуют управлять бюджетниками, пытаясь реставрировать советскую систему распределения. Шуму будет много, толку мало.

Студенты-контрактники, даже в элитных вузах, еще долго будут нацелены чаще на покупку диплома, чем на получение высокочлассных, необходимых для будущей работы знаний.

Руководители образовательного ведомства будут по-прежнему продуцировать мероприятия, предназначенные убедить их самих, что они владеют ситуацией. Поэтому продолжится симуляция социальной справедливости, так удачно начатая изобретением ЕГЭ, войдут в моду бюрократические имитации рейтинговых процедур, практикуемых западными, особенно американскими университетами.

В Америке ключевые университеты отслеживают заработки своих выпускников, обосновывая таким способом плату, которую требуют за обучение. Чиновники нашего Минобразования на полном серьезе обещают составлять такие же рейтинг-листы, учитывая некими таинственными путями не только белые, но и черные зарплаты. Человек, склонный к шутке, конечно, изобразил бы тендеры, на которых будут распределяться призовые места в этих рейтинг-листах. Но с какой стати нам тут шутить?

Говорят: замах на рубль, удар на копейку. Реформа высшего образования подается как замах на большую модернизацию. Каким будет удар? Ясно, что не на рубль. Главное, чтобы не сломали то, что есть.

Автор: Сергей Шелин © Росбалт ОБРАЗОВАНИЕ, МИР 👁 2562 27.04.2005, 12:06 📌 257

URL: <https://babr24.com/?ADE=21378> Bytes: 16648 / 16648 Версия для печати Скачать PDF

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:
newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Сергей Шелин**.

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)